

СУЩНОСТЬ ДУХОВНО-ПРАКТИЧЕСКОГО (ЦЕННОСТНОГО) ОСВОЕНИЯ МИРА ЧЕЛОВЕКОМ

Неопределенность и неясность понятий аксиологии делают проблему ценностей сложной для исследования. Поэтому необходимо сначала определить хотя бы то, что определяемо в аксиологии.

Прежде всего определен сам *человек как существо деятельное*, и сама *человеческая деятельность* как целенаправленная (сознательная) активность человека по преобразованию окружающей его действительности и самого себя. Человеческая деятельность, собственно, и называется *освоением мира человеком*.

В философии выделяют три формы освоения мира человеком: практическое, духовное и духовно-практическое освоение. *Практическое* включает в себя прежде всего материальную практику, то есть переработку человеком материала природы в продукты культуры; но в определенном отношении также и социальную и политическую практику, при условии, что эти последние *относительно* независимы от ценностных отношений, то есть идеологически не институализированы, не оформлены, стихийны.

Институализация социальной, а позже и политической практики в процессе социально-исторического развития приводит к тому, что чисто практическое отношение человека к миру превращается в *духовно-практическое*, которое мы и называем ценностным. Это – способ субъективации мира человеком как социальным существом, способ его, мира, присвоения как «своего», родового. Мифы, мифологическое сознание со всеми его специфическими особенностями (фетишизация, анимализация, синкретизм) является древнейшей формой такого «присвоения». Важно подчеркнуть изначально социальную природу и социальное содержание ценностей и ценностного освоения человеком мира. Прамораль как первоначальные табу и другие надбиологические механизмы регуляции поведения, согласно теории антропосоциогенеза, вначале существовали, видимо, в самой материально-практической деятельности человека и, по сути, были практикой, частью практики, практическими отношениями, и позже были осознаны человеком и закреплены в мифологической форме сознания.

Духовным освоением мира в философии принято считать интеллектуальное, рациональное познание человеком мира и себя самого. В пределе – это философское и научное познание. Это то, что в философии называют познанием сущностей, каковыми являются объективные законы развития природы, общества и сознания. Природа, материя, таким образом, достигает в результате эволюции высшей формы своей организации – социальной, а также высшей степени своего развития – сознания в его общественных формах.

Важно подчеркнуть, что, во-первых, ценностное отношение по определению есть также и практическое отношение. Это подразумевает не только осознание и

принятие обществом некоторых благ в качестве ценностей, но и актуализацию, экстериоризацию, практическое осуществление в институциональных формах этих признанных обществом ценностей в самой общественной жизнедеятельности. А во-вторых, первичным носителем ценностей и субъектом духовно-практической деятельности является общество, социум. И лишь духовно-практическая (ценностная) деятельность сегодняшнего Российского государства, придерживающегося определенной идеологии вопреки декларации Конституции, привела к сдвигу в нашем общественном сознании в сторону индивида и индивидуального сознания. В результате ценностное отношение к миру превратилось в индивидуально-ценностное, как будто бы существуют какие-то чисто индивидуальные ценности, не имеющие социальной природы и социального содержания. А ведь ценности, реализуемые индивидом в его повседневной деятельности, могут быть и не осознаны им – либо в силу его наивности, либо в силу его не развитого самосознания, либо, наконец, по причине манипуляции сознанием, о которой сегодня много говорят.

Для диалектика, т.е. философа, мыслящего системно, нет ничего странного в выражении «Индивидуальное есть форма осуществления социального», поскольку для него первична система, социум. Диалектика общего и единичного в этом случае проявляется в личности, трактуемой как единство индивидуального и социального, а вовсе не как оригинальность, независимость, уникальность. Личность в диалектической, ильенковской трактовке [Ильенков, 1991] при этом не теряет ни своей уникальности, ни своей свободы, а, напротив, обретает истинную уникальность и свободу, поскольку является частью *целого*, системы, и, следовательно, может на нее влиять. А что же еще свобода, как не знание законов системы (природы, общества) и использование их в своих целях? Поэтому духовно-практическое освоение мира человеком для диалектика, мыслящего системно, есть, прежде всего, осознание социальной природы и социального содержания ценностей, и уже потом их реализацию в духовной практике.

Напротив, для современного позитивиста выражение «Индивидуальное есть форма существования социального» есть нонсенс, парадокс, который ему не по зубам. Ведь для него человеческое сознание – это продукт мозга и не более. Понятие общественного сознания для него пустое понятие, умозрительный миф диалектиков. Для него существует только массовое сознание как механическая совокупность индивидуальных, вычисляемая путем социологических опросов. Впрочем, для современного позитивиста по-прежнему также существует и «свободный», независимый, рациональный индивид, выдуманный Гоббсом и Локком и фундаментально закрепленный в субъективном идеализме И. Канта. Системная же аргументация диалектика представляется современному позитивисту философской схоластикой, теоретическим оправданием тоталитаризма. Ведь «в голове» позитивиста есть только один субъект – индивид и одна свобода – максимальная свобода выбора и максимальная независимость. Понятно, сто такую свободу в современном российском обществе дают деньги

или власть, которые не существуют друг без друга. Так что «все равны, но некоторые ровнее».

Диалектический, т.е. системный взгляд в аксиологии, как было сказано, вовсе не отрицает ни свободы, ни уникальности индивида, а, напротив, только он и делает индивида истинно уникальным и по-настоящему свободным через понятие «личность». Личность и является конкретным, а не абстрактным субъектом духовно-практической деятельности. Но личность, понимаемая не в позитивистском смысле, а в диалектическом – как индивид, интегрированный в социум, являющийся частью его. И такая интеграция предполагает высокий уровень самосознания, то есть системного понимания себя и общества. И тут нет никакого слепого подчинения индивидуального общему, здесь – диалектика. Ведь интеграция или социализация как раз и означает расширение моих возможностей духовной практики.

Даже антисистемная духовно-практическая деятельность становится частью системы, как бы не отрицали ее существование противники диалектики. Так, в социологии трюизмом является утверждение о пользе социальной девиации – не было бы девиации, не было бы развития. В политологии таким же трюизмом стало понятие политической оппозиции, а в политической практике даже уже существуют технологии создания несистемной (о ужас!) оппозиции и ее интеграции в систему, как для целей сохранения самой системы (молодежные движения конца 60-х на Западе), так и для целей разрушения системы (молодежный рок в 70-80-е в России). И когда наши российские либертарианцы изначально отрицают все формы социального как тоталитарное давление на «личность», включая не только государство, но и все формы солидарности, кроме толпы, соединенной эмоцией ненависти к социальному (варианты: к одной какой-то идеологии, к одному какому-то этносу, к одной какой-то социальной группе и т.д.), то мы же прекрасно понимаем социальный смысл такой духовной практики. Смысл – в разрушении. А после нас – хоть трава не расти.

Духовно-практическое освоение действительности личностью происходит на уровне общественной психологии – в поступках, чувствах, отношениях, в паттернах поведения. А на уровне идеологии – в принятых и распространяемых им принципах, идеях, концепциях, теориях, убеждениях, вкусах. Структурно же такая реализация происходит в рамках морали, религии, права, искусства, политики. Так, в сфере *морали* личностная духовная практика – это наш образ жизни, наше поведение и наши поступки в их нравственном контексте. Крайний релятивизм в вопросах нравственности приводит ошибочному выводу о субъективности и относительности любых моральных ценностей. Однако не трудно увидеть полную логическую и историческую несостоятельность такой позиции: отсутствие морали есть тоже мораль; в философии это школа киников (циников), ставшая столь популярной в пору кризиса античного сознания. Таким образом, понимаем мы это или не понимаем, осознаем или не осознаем, самой

своей ежедневной жизнью мы практически осуществляем те или иные моральные ценности, которые имеют безусловно социальную природу.

Особой духовной практикой является и *педагогическая* деятельность, поскольку предмет ее – душа ребенка, то есть его психика, а само образование – это сфера духовного производства человека. При этом психика (душа) самого учителя тоже является предметом этой духовной практики, что и изучается в педагогической психологии. И поскольку с душой человека с возникновением монотеизма имела дело прежде всего религия, то и воспитанием занималась долгое время церковь до тех пор, пока государство не взяло на себя это обязательство в Новое время.

Сегодня в России все больше в воспитание вмешивается церковь потому, что государство из этой сферы в 90-е годы ушло, считая мораль делом частным, а не государственным. В те годы на государственном уровне прозвучал страшный лозунг: «Можно все, что не запрещено законом». Плоды мы пожинаем сегодня в школьной реформе, которую проводят в жизнь приверженцы этого лозунга: тонкую сферу моральных отношений, возникающих в педагогическом процессе, пытаются регулировать правовыми нормами. Во-первых, это в принципе невозможно; это все равно, что регулировать работу телевизора молотком и ломом. А во-вторых, «хотели, как лучше (что, кстати, сомнительно – хотели ли?), а получилось, как всегда». За громкими декларациями о «правах человека» забывают об обязанностях, что полностью противоречит сущности права как формы общественного сознания. Да сами права человека трактуют в педоцентристской парадигме как право ребенка не взрослеть, право на инфантилизм. Ибо как иначе можно расценить сегодняшней образовательный приоритет «самореализации каждого ученика»? Это призыв «думай только о себе, о своем успехе». И разные патриотические призывы думать о Родине находятся в диссонансе с этим приоритетом, таком диссонансе, который только диалектика и понимает. А в-третьих, громогласно говоря о правах ребенка и родителей, почему-то забывают о правах педагогов. Сегодняшний директор школы больше всего боится прокурора, как будто он преступник. Какая тут педагогика?!

Еще одной формой духовно-практической деятельности личности традиционно является *религиозное* сознание. Религиозную веру не точно называют духовной деятельностью, он – духовно-практическая деятельность, духовная *практика*, поскольку нацелена на работу прежде всего с собственной душой, которая предполагает укрепление и углубление веры, нравственный рост, мистическое самопознание и саморегуляцию. Именно поэтому так почитаются святые – они не бездельники, спрятавшиеся в лесу от людей, а духовные трудники. Но по этой же причине современная церковь не пользуется всеобщим доверием – ее политическая деятельность превалирует над духовной, примеров которой мы видим очень мало.

Столь же традиционной сферой духовной практики, то есть ценностного освоения мира и самого себя, является *искусство*. Это ценности, изучаемые эстетикой: прекрасное и ужасное (отвратительное), комическое и трагическое,

низменное и возвышенное, гармония и хаос. С одной стороны, такие оценки субъективны, индивидуальны: на вкус и не цвет товарищей нет. Но по сути своей все они имеют объективное содержание – в самом социуме, который и формирует наши индивидуальные вкусы, предпочтения и мировоззрение. Проблема диалектики общего и единичного в искусстве представлена проблемой свободы творчества.

Сфера *права* нами неоправданно сужается до правовых норм и источников права, в то время, как онтология права незаслуженно забыта. Возрождение онтологии и философии права сегодня выглядит как единичные попытки отдельных авторов, утверждающих, что право – это не ограничение свободы, а форма реализации свободы в обществе [Пристенский, 2007]. И это тоже форма духовно-практического освоения мира человеком.

Наконец, духовно-практическим освоением человеком мира и самого себя является поведение и деятельность в сфере *социальных отношений и политики*, как действия тех, кто обладает политической властью, так и действия тех, кто ею не обладает. Рассуждения в духе Макиавелли о несовместимости политики и нравственности по определению, по сути своей, и, как следствие, безнравственности политики в принципе сегодня весьма модны среди молодежи. Но это – рассуждения от эмпирии, от повседневных наблюдений, от личного опыта. То есть рассуждения обывательские, ибо обыватель рассуждает, опираясь только на личный опыт. О сущностях явлений он судить не способен. Теоретический анализ проблемы позволяет увидеть здесь ту же диалектику общего и единичного.

Макиавеллизм в деятельности личности закономерно приводит к скептицизму или кинизму – философским учениям эпохи заката и кризиса античного сознания. Но эти жесткие мировоззренческие позиции, по плечу не многим молодым людям; для этого надо быть абсолютным негативистом и социопатом, а юность в целом желает светлых идеалов. И вот сегодня появляется «светлый идеал» либертарианства: свобода превыше всего; долой любое насилие, в том числе государственное; государство – это зло. «У большинства людей мысль, что каждый человек принадлежит исключительно себе, не вызывает удивления. Это утверждение кажется естественным и обычно не оспаривается» [Либертарианство // URL] – читаем мы на сайте либертарианской партии. То есть программный текст сразу же начинается с риторического приема «Большинство же знает, что...». У большинства людей, мало-мальски размышляющих над окружающей действительностью, вызывает удивление как раз это нелепое и недоказанное утверждение, что «каждый человек принадлежит исключительно себе». Оно «кажется естественным» и «обычно не оспаривается» только при условии, что ты изначально согласен с мифом о свободном индивиде-атоме. Но именно эта посылка и не верна!

Но это программное заявление не состоятельно и теоретически, и практически. Во-первых, потому, что оно предполагает знание «кто я», а такое знание невозможно без первоначального знания «кто мы», то есть те, кто и создал мое «Я». А во-вторых потому, что рассуждать о сущности человека в

терминах собственности – это, по меньшей мере, не корректно. Впрочем, для Гоббса и Локка это как раз было корректно.

Таковы же рассуждения либертарианцев о государстве: «Хотя современное государство сложилось относительно недавно, его существование и необходимость чаще всего принимаются людьми как неоспоримая данность. К счастью, с этой «данностью» можно бороться» - читаем на том же сайте. В этой борьбе либертарианцев с государством победит, конечно, государство, но только такое, в котором наивным и чистосердечным идеалистам-либертарианцам места не будет, зато у власти по-прежнему будут те, кто и изобрел либертарианство как технологию управления несистемной оппозицией. То ли для укрепления системы, то ли для разрушения ее – пока не ясно. «По плодам их узнаете их», а не по гуманным декларациям о свободе. Напомним, что еще Г.В.Ф. Гегель писал: «Ненависть к закону, праву, выраженному в законе, есть тот признак, по которому открываются и безошибочно познаются в их подлинном выражении фанатизм, слабоумие и лицемерие добрых намерений, во что бы они не рядились» [Гегель, 1990, стр. 282]. Впрочем, судя по программе либертарианская партия вовсе и не хочет общества без государства, она хочет общества с минимальным участием государства, «государство – ночной сторож». Но эта устаревшая концепция возвращает нас в дорозвельтовские времена, когда миром правил рынок. После Великой депрессии уже никто не сомневается, что эта политическая система устарела, а социальное государство стало реальностью. То есть нам вновь пытаются продать протухший товар в форме либертарианства, выдав его при этом за новый.

Теоретическим обоснованием и духовным истоком подобной духовно-практической деятельности в социальной сфере и сфере политики является все та же буржуазная теория государства Т. Гоббса и Дж. Д. Лока, в которой был придуман мифический суверенный рациональный индивид, никогда не существовавший в действительности. Как не существовало в действительности и локковского и гоббсовского «естественного», то есть природного состояния – без правил и ограничений, той самой «войны всех против всех», которая, согласно этой мифологеме, так, якобы, напугала разумного человека, что он со страху взял, да и додумался до общественного договора, то бишь до конституции. Г.В.Ф. Гегель по поводу «договорной теории» государства писал: «...было измышлено даже некоторое естественное состояние, в котором будто бы господствовало естественное право, тогда как состояние общества и государства, напротив, требует будто бы и влечет за собою известное ограничение свободы и принесение в жертву естественных прав. На деле, однако, право и все его определения основываются исключительно на свободной личности, на самоопределении, являющемся скорее противоположностью природного определения» [Гегель, 1977, стр.334.].

На самом деле все обстоит как раз наоборот: ценности как нечто предпочитаемое людьми по шкале «хорошо-плохо» есть целиком и полностью феномен социальный. И существуют они не в безвоздушном пространстве вроде

платоновского «мира идей», а в самом обществе, в его формах общественного сознания, о которых и была выше речь. Но что это значит?

Во-первых, это значит, что *индивидуальная природа ценностей – это миф, симулякр*. Индивид может не понимать социальной природы своих индивидуальных ценностей, наивно считая, что он – некий демиург, Творец Ценностного мира, творец своей иерархии ценностей. Каков их источник – он даже не задумывается, поскольку это сложный вопрос гносеологии, а обыватель (а перед нами же обыватель!) даже не ставит таких сложных вопросов типа «откуда в нашем сознании берутся идеи?». Он же не изучал философии по первоисточникам или хотя бы по хорошим учебникам, а ознакомился с нею по Википедии или по философским афоризмам. Обыватель не изучал психологию и не читал К.Д. Ушинского, Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, которые пытаются решать психофизическую проблему, то есть проблему соотношения в человеке биологического и социального.

Второй вариант – индивид может социальную природу ценностей сознательно, мотивированно игнорировать и отвергать. Тогда мы говорим о «философской робинзонаде», особом типе мировоззрения, которое называется *механистический (или вульгарный) материализм* (а в современном издании – позитивизм). Родился он в эпоху Просвещения. Суть его – в переносе простейших представлений о материи (материя – это вещество) на человека. Этим вульгарным материализмом в форме позитивизма была заражена наша позднесоветская философия до самой «катастрофы» и после нее; диалектика у нас исчезла вместе с Э.В. Ильенковым. Между тем позитивистский рационализм переживал кризис на Западе уже в 60-е годы. В. Декомб в своей книге «Современная французская философия» в параграфе «Что такое структурный анализ» замечательно описывает начало кризиса позитивистской рациональности. Он ссылается на работы Серра (Serres) 60-70-х годов. В частности, отмечает Декомб, в работе «L'interference» (1972) Серр замечает, что «истории науки, этого высшего авторитета позитивизма, не существует» [Декомб, 2000, с.88]. Почему? Потому, что позитивизм не знает истории науки как истории имманентного потока сознания и познания вообще, в его целостности. Позитивизму доступны лишь частности – отдельные научные идеи, персоналии, теории и гипотезы. Сегодня о целостности науки как формы общественного сознания, то есть о диалектическом понимании общественного сознания вообще и науки в частности почти никто не пишет, исключением являются работы ныне ушедшего из жизни В.Г. Иванова и М.Л. Лезгиной, продолжающей это важнейшее направление в философии и истории науки [Иванов, Лезгина, 2006].

Согласно вульгарному материализму сознание есть исключительно продукт человеческого мозга, и это можно прямо встретить в наших советских философских энциклопедиях. Так что для легкой победы крайнего индивидуализма в идеологии в 90-е годы была уже подготовлена философская почва: если сознание – продукт мозга, то личная иерархия ценностей рождается в каждом отдельном мозгу рационально мыслящего (ибо же он – homo sapiens!)

индивида. Этот крайний индивидуализм натолкнулся на здоровое сопротивление отечественного системного мышления только тогда, когда мы с ужасом увидели, что «свободный» американский и европейский индивид стал выбирать для себя пол по собственному индивидуальному усмотрению. Но сопротивление это, как кажется, вовсе не научное и не системное, а архаично-традиционное, а значит и не убедительное.

Во-вторых, социальная природа ценностей означает, что безграничная индивидуальная свобода выбора ценностей, вплоть до выбора пола, сама является ценностью определенного общества. Для этого общества максимальная свобода выбора только и является свободой; другой свободы такое общество не знает и знать не хочет.

Литература

1. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.3. Философия духа. М.: Мысль, 1977. -471с.
2. Гегель Г.В.Ф. Философия права. Пер. с нем.: ред. и сост. Д.А. Керимов и В.С. Нерсесянц. М.: Мысль, 1990. -524с.
3. Декомб В. Тождественное и иное // Декомб В. Современная французская философия: [Сборник]. Пер. с французского. М.: изд. «Весь мир», 2000. -344с.
4. Иванов В.Г., Лезгина М.Л. Горизонты науки XXI века. Этюды философии науки. М.: АСАДЕМІА, АПК и ППРО. 2006.
5. Ильенков Э.В. Что же такое личность? // Ильенков Э.В. Философия и культура. М.: Политиздат, 1991. -464с. Раздел V. Стр. 369-414.
6. Либертарианство // Сайт «Либертарианская партия». URL: <https://libertarian-party.ru/>
7. Пристенский В.Н. Типология человечества в контексте антропологии права: историческая ретроспектива и возможные перспективы (социально-философский анализ) // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена: Научный журнал. Серия: Общественные и гуманитарные науки. – 2007. – № 9(46). – С. 169 - 177